

Объём книги С.С. Войтикова устрашает — без малого 800 страниц убористого шрифта! К счастью, весит этот том сравнительно немного, его можно брать с собой в дорогу и читать там, где это покажется удобным. А прочесть его нужно, поскольку новый труд профессионального исследователя, пытающегося разобраться в механизмах работы руководящих органов Коммунистической партии, безусловно, заслуживает внимания.

Однако при чтении быстро замечаешь, что данная работа не столько разрешает проблемы, волнующие научное сообщество, сколько порождает новые вопросы. Они возникают едва ли не на каждой странице. К примеру, не сразу даже скажешь, чему именно посвящена монография. Лишь к середине «Введения», после десятков страниц с массой цитат об основополагающем значении для большевиков... марксистской теории, выясняется, что речь далее пойдёт про «узкие руководящие группы вождей в рамках Центрального органа и Центрального комитета» РСДРП, РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б) и КПСС в 1898—1964 гг. (с. 42). Больше о содержании исследования и о том, как были определены его хронологические рамки, ничего не сказано.

Способен озадачить и стиль изложения. Литературные аллюзии переплетаются с историческими аналогиями (начиная с Античности), искромётные шутки и саркастические ремарки переходят в полемику с мнениями партийных деятелей. Эмоциональные комментарии к цитатам (и в цитатах), прозвища и язвительные характеристики постоянно нарушают дистанцию между «героем» и автором. Кажется, будто исследователь не отделяет себя от эпохи, не столько повествует о ней, сколько проживает её вместе с теми, о ком пишет.

Как следствие, внимание читателя раз за разом переключается с указанной во «Введении» темы на нюансы быта и нравов большевистского руководства. Подстрочник переполнен отступлениями, замечаниями, зарисовками и всевозможными сведениями об упоминаемых лицах, их манере поведения и стиле жизни. Войтиков убедительно демонстрирует исключительную эрудицию, глубокое и детальное знание обширной историографии и источников всех видов. Это производит сильное впечатление. Но, к сожалению, обилие собранного (и не всегда разобранный) материала не помогает раскрыть идеи историка и описываемые им коллизии, более того — затрудняет чтение, уводя многочисленными отступлениями в сторону от предмета исследования. В результате смысловые блоки выглядят размытыми, а их стыковка — случайной.

Между тем стремление выявить и изучить «узкие руководящие группы вождей», их формирование, функционирование и характер, представляется весьма перспективным. Это непривычный и смелый подход, свидетельствующий об оригинальности авторской мысли. Однако для решения данной задачи требуется не столько размах, сколько, напротив, жёсткое самоограничение, сосредоточенность на небольшом, но крайне важном элементе политической системы в ущерб всему остальному, как бы увлекательно и ново оно ни было. Ведь автор решил показать то, что в значительной мере неформально, трудно формализуемо и едва уловимо, изменчиво и теснейшим образом связано с зачастую непрозрачными личными взаимоотношениями, интригами и расчё-

тами. Во всей полноте их, вероятно, не получится понять и реконструировать никогда — как из-за скудости и специфики имеющихся источников, так и в силу принципиальной ограниченности наших возможностей проникать во «внутренний мир» других людей, особенно давно ушедших из жизни. Вставая на этот путь, историк рискует «сползти» на проекции или незаметно для себя начать додумывать мотивацию деятелей прошлого.

Войтиков, видимо, чувствует эту опасность и, будто стремясь отвести уколы в авторском своеволии, приводит пространные цитаты, порою включает в текст целые речи, делая в них минимальные сокращения и даже не разбивая на абзацы. Причём эти словесные «стены», занимающие иногда полторы-две страницы, могут вовсе не сопровождаться какими-либо пояснениями! Некоторые архивные документы публикуются целиком, по всем правилам археографии, с необходимыми заголовками, легендами и примечаниями, причём не в виде приложений, а непосредственно по ходу изложения в той или иной главе. С таким подходом связана и ещё одна особенность книги. Знакома читателей с различными суждениями большевиков или исследователей их политики, автор не спешит с критическим анализом и не высказывает *собственного* взгляда на изучаемые явления.

Правда, в то же время это не мешает ему полностью солидаризироваться с чужими оценками («это чистая правда», «как справедливо отмечал В.М. Молотов» и т.п.) или иронизировать над ними («А.В. Луначарский, как всегда невпопад, заявил» и проч.). Кстати, в книге цитируются не только участники «узких руководящих групп». Более того, в ней упомянуто столько имён, что складывается впечатление, будто в какой-то момент автор решил создать широкую картину партийной жизни. Жаль, что издание не имеет именно-го указателя — он явно вышел бы весьма внушительным. Но, как ни странно, подробно рассказывая о «незаслуженно забытых» большевиках второго и третьего ряда, Войтиков почти ничего не говорит о восхождении тех, кому предстояло со временем войти в высшее руководство партии, — к примеру, о Свердлове, Молотове, Кагановиче, Жданове, Хрущёве и др. Причём нередко из текста так и не удаётся уловить, что именно вызывало те или иные разногласия и конфликты между ними, если, конечно, не сводить всё к универсальному и очевидному принципу борьбы за власть и влияние.

Тем самым, хотя читатель узнает из монографии немало нового и любопытного, внутренняя логика образования и распада «узких руководящих групп» 1920—1960-х гг. едва ли станет для него понятнее и яснее. Вместе с тем работа содержит ценные суждения о роли идеологии и личных связей и отношений в политике большевиков, о способах контроля за информационными потоками и значении структур, отвечавших за подготовку партийной номенклатуры, о перемещениях «центра силы» из ЦК в правительство и обратно в зависимости от предпочтений очередного лидера и т.д.

Невольно складывается впечатление, что под одной обложкой объединены три потенциально самостоятельные книги: о противоборстве марксистских «вождей» до революции 1917 г., в период захвата большевиками власти в стране (включая годы Гражданской войны и становления СССР, вплоть до окончательной победы сталинской группировки в конце 1920-х гг.) и в середине XX в. Каждый из этих этапов заслуживает самостоятельного рассмотрения. Хочется надеяться (и даже выразить уверенность), что С.С. Войтиков ещё не раз вернётся к неисчерпаемой «истории власти» и раскроет различные её аспекты в

новых произведениях — более компактных и цельных по своим хронологическим рамкам и сюжетным линиям.

Олег Капчинский: *Большевицкое руководство 1917—1920-х гг. в новой книге С.С. Войтикова*

Oleg Kapchinsky (Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia): The Bolshevik leadership of 1917—1920s in the new book of S.S. Voytikov

DOI: 10.31857/S086956870012205-6

Монография С.С. Войтикова, известного специалиста по партийно-государственным, военным и чекистским структурам периода Гражданской войны и 1920-х гг., посвящена истории «узкого руководства» ЦК РСДРП—РСДРП(б)—РКП(б)—ВКП(б)—КПСС «от Плеханова и Ленина до ликвидации четвёртого “коллективного руководства” Хрущёвым и снятия с поста самого Хрущёва» (с. 42). Заявленная тема впервые рассмотрена им применительно к начальному этапу истории партии. Автор поставил перед собой весьма амбициозную задачу: найти «некую константу» в истории её руководящего ядра. Как и при написании предыдущей монографии⁶, он провёл исследование в широких хронологических рамках: правда, его начальной датой стал не 1917, а 1898 г. (основание РСДРП), но конечной — всё тот же 1964 г., последний год нахождения Н.С. Хрущёва у власти. В целом, на мой взгляд, историк справился с поставленной задачей, хотя период 1898—1941 гг. представлен в книге очень подробно, а 1941—1964 гг. — схематично (за исключением июньских событий 1957 г., связанных с разгромом «антипартийной группы» В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича «и примкнувшего к ним» Д.Т. Шепилова).

Книга состоит из пяти частей: три построены по хронологическому принципу, остальные — проблемные, посвящены природе ленинской «партии нового типа» и «выборной традиции» в ней (ч. 1), а также Коминтерну и образованию СССР (ч. 4). В основе издания — как опубликованные материалы, так и ранее не изученные архивные документы РГАСПИ, ЦГА Москвы, РГВА, РГАЛИ и ЦГА МО (с. 46). В связи с конечной датой исследования было бы весьма желательно привлечь и документы РГАНИ, однако отсутствие последних Войтиков довольно успешно компенсировал анализом выпущенных специалистами данного архива документальных сборников, а также партийных документов из фондов ЦГА Москвы. По сути, автор остаётся единственным, кто ввёл в научный оборот материалы данного архива для изучения коллизий, связанных с историей ЦК КПСС.

После Октябрьской революции, отмечает Войтиков, на некоторое время сложилось положение, при котором СНК РСФСР стал не только правительственным, но и политическим центром, взяв на себя функции ЦК РСДРП(б)—РКП(б). По мнению автора, это объясняется членством в ЦК более трети наркомов, единым местом заседания обоих органов и концептуальной неразработанностью их взаимоотношений. Далее подчёркивается, что первым усомнившимся в необходимости присвоения Совнаркомом функций ЦК стал руководитель его Секретариата Я.М. Свердлов, уже 8 декабря 1917 г. поставивший вопрос о необходимости санкции, хотя бы задним числом, в отношении решения об объявлении кадетов врагами народа. Однако подобный (хотя и

⁶ Войтиков С.С. История противостояния: ЦК или Совнарком?